

Анализ Столыпинской аграрной реформы показал, что в современных условиях с целью модернизации регионов и всего сельского хозяйства необходимо на законодательном уровне предусмотреть критерии модернизации как экономики, так и его отраслей, что было сделано П.А. Столыпиным путем предоставления земель для сельхозпроизводства на выделенных землях в Сибири.

П.А. Столыпин, поощряя приобретение земель крестьянами через льготное кредитование, покрывал часть расходов, чтобы они могли раскрыть свой трудовой потенциал в обработке земель, не затрачивая денежные средства сначала на простое воспроизводство, а после выкупа земель – на расширенное.

Вопрос модернизации сельского хозяйства и регионов Сибири П.А. Столыпиным был решен путем реализации обработки земли общиной или же большой семьей с «мужскими руками». Однако реформы пошли по пути применения новой техники, которая на тот момент увеличивала производительность труда. Использование производительной техники на сегодняшний день не является новым. Использование же технологий производства продукции, совмещенной с видом и составом техники, имеющейся в наличии у хозяйств, актуально и по сей день.

Возможность распоряжения землей под залог через Крестьянский поземельный банк создала условия для крестьян привлекать денежные средства для посевной и уборочной, что и на сегодняшний день является актуальным. Так, коммерческие банки ввиду неэффективного менеджмента сельскохозяйственных организаций и низкой рентабельности с неохотой идут на предоставление кредитов под залог земель сельскохозяйственного назначения.

Проблема разрушения общины, нашедшая отражение в реформах П.А. Столыпина, и на сегодняшний день имеет место. Так, большая часть земель сельхозназначения принадлежит на праве общей долевой собственности её участникам, а ее аренду по целевому назначению ведет пользователь, который не заинтересован в ее эффективном использовании, так как ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает выдел в натуральном выражении любого из собственников. Концентрация земель у производителя сельскохозяйственной продукции стимулирует его на эффективное использование как по севооборотам, так и по технологии возделывания культур.

УДК 94(57).084.9

Е.Н. Волосов

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА 60–80-х гг. XX в.: ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

В статье исследуются некоторые социальные характеристики технократической элиты Ангаро-Енисейского региона 1960–80-х годов. Выявлены и обусловлены причины социально-демографических трендов технократической элиты второй половины XX века.

Ключевые слова: технократическая элита, Ангаро-Енисейский регион, социальное происхождение, возраст, образовательный ценз.

E.N. Volosov

TECHNOCRATIC ELITE OF THE ANGARA-YENISEI REGION IN 60's– 80's. OF THE XX CENTURY: ELEMENTS OF THE SOCIO-HISTORICAL PORTRAIT

Some social characteristics of the technocratic elite of the Angara-Yenisei region in 1960–80-s are researched in the article. The reasons of the technocratic elite socio-demographic trends in the second half of the XX century are revealed and substantiated.

Key words: technocratic elite, the Angara-Yenisei region, social origin, age, educational qualification.

Введение. Технократическая элита – один из отрядов политической элиты Советского Союза, игравший заметную роль в формировании экономической политики КПСС. Кроме того, из технократии рекрутировалась значительная часть кадров профессиональной партийной бюрократии.

Самое общее определение технократии вытекает из характеристики, данной в свое время новой социальной группе американским социологом Г. Скоттом: «Технократия – это слой носителей инженерно-технического и научного знания, способных в силу своей компетенции реально претендовать на власть» [1].

Более развернутое определение дает современный российский исследователь А.Н. Николаев. По мнению ученого: «... основой претензий на власть для технократов служит все возрастающая роль специальных знаний в управлении не только производственными, но и социально-политическими процессами, а также значение НТП для развития современного общества в целом» [2].

Технократическая элита являлась частью партийной номенклатуры, оставаясь в то же время вполне самостоятельной социальной единицей. Признаками, объединяющими членов этого «цеха», следует считать: управленческую деятельность в индустриально-техническом секторе народного хозяйства; высшее техническое, естественно-научное или экономическое образование; специфический менталитет, связанный с особенностями профессиональной деятельности; неформальные корпоративные связи, обусловленные как общностью производственной деятельности, так и планово-дефицитной экономикой; рекрутирование из массовой группы руководителей среднего и низшего звена и широкого круга инженерно-технических работников.

Анализ историко-архивных документов, материалов периодической печати, изучение механизмов принятия решений позволяют отнести к региональной технократической элите следующие категории лиц:

1. Руководители, их заместители, главные инженеры межрегиональных транспортных, строительных, энергопроизводящих и снабженческих организаций.
2. Директора, их заместители, главные инженеры промышленных предприятий союзного подчинения.
3. Управляющие строительными трестами, начальники отделений железной дороги, директора промышленных предприятий республиканского и областного подчинения, их заместители и главные инженеры.
4. Директора научно-исследовательских, проектно-изыскательских, геологических институтов и экспедиций, их заместители и главные инженеры.
5. Руководители плановых органов исполнительных комитетов региональных Советов депутатов трудящихся (с 1977 года Советов народных депутатов).

Технократическая элита Восточной Сибири в послесталинский период – один из наиболее прогрессивных и динамичных отрядов производственно-управленческого аппарата СССР. Здесь концентрировались, как и столетиями ранее, наиболее мобильные, энергичные, решительные люди, наименее связанные родственными, комплиментарными отношениями с бюрократическими структурами центра. Идеологическая риторика для них являлась лишь ширмой, за которой можно было создавать и развивать «свое» дело. Национальный, государственный интерес рассматривался ими как превалирующий над прочими: личностным, корпоративным, даже политическим.

Цель работы. Исторический портрет данной социальной группы был бы не полным без ее тщательной социальной характеристики. Поэтому в статье мы ставим целью рассмотреть такие базовые показатели региональной технократической элиты, как социальное происхождение, возраст, образовательный ценз. По нашему мнению, систематизация и анализ этих характеристик вкупе с другими показателями позволяют очертить ее демографические границы, выявить общее и особенное в сравнении с другими социальными группами, понять роль и значение доминирующих трендов социально-экономической политики правящего режима 20–80-х годов XX века в формировании именно такого типа региональной технократической элиты.

Эмпирическая основа исследования. Для изучения социально-демографических характеристик нами была сформирована биографическая база данных, источниками которой стали материалы центральных, региональных и местных архивов, периодической печати, полевых исследований

Социальное происхождение. Анализ происхождения значительной части технократической элиты Красноярского края и Иркутской области показывает достоинства и возможности советской системы по выращиванию новых профессиональных кадров, карьерного роста, подъема реального, а не декларируемого социального статуса, вне зависимости от места жительства и социального происхождения.

Молодые люди из самых отдаленных уголков страны, маленьких провинциальных городков, глухих таежных, степных деревень и хуторов при наличии способностей, желания и трудолюбия могли достигнуть многого без протекции, кумовства и коррупционных связей.

Из 113 представителей региональной технократической элиты, про которых нам удалось найти сведения о месте рождения, 56 человек являлись выходцами из сельской местности: станиц, сел, деревень. Сюда мы причислили и жителей железнодорожных станций, чей хозяйственный уклад практически не отличался от уклада сельской жизни за исключением вида основной деятельности. 57 представителей технократической элиты родились в городах. Можно предположить, что изначально они имели лучшие стартовые условия для обучения, поступления в высшие учебные заведения. Но все обстояло несколько сложнее. Выходцев из города нужно разделить на три части: 1) жители Москвы и Ленинграда; 2) жители столиц союзных республик и областных центров; 3) жители средних и малых городов, хозяйственный и бытовой уклад в которых практически не отличался от сельского. Столичных жителей в нашем списке всего лишь три человека. Двадцать один человек являлся выходцем из областных центров и столиц союзных республик.

Но даже столичное или городское происхождение не предполагало обязательного материального благополучия и высокого социального статуса.

Например, детство директора Иркутского авиационного завода Г.Н. Горбунова прошло тогда еще в полусельском районе Иркутска – ст.Иннокентьевской. Геннадий Николаевич, отвечая на вопрос журналиста «Как он стал директором?», рассказывал: «Наверное, всегда, с малолетства. Вся жизнь трудовая. Пять классов обычной школы. А потом пришлось работать. Отец умер, мать одна, с тремя детьми. Она работала на железной дороге вызывальщицей. Кроме меня две девчонки. Оставил школу, пошел в пастухи. Здесь в Ново-Ленино коров пас. А в школу пошел в вечернюю. Началась зима, устроился учеником жестянщика. Мне тогда 15 лет было. Через год стал уже мастером...» [3].

Начальник «Братскгэсстроя», будущий губернатор Иркутской области Ю.А. Ножилов родился в Ленинграде, его отец был репрессирован и исчез в застенках ГУЛАГа. Для того чтобы выжить, семья переехала в Иваново. Здесь жизнь также была чрезвычайно тяжелой. Ю.А. Ножилов вспоминал: «Из детства и юности я вынес два главных правила, два убеждения. Первое: все достается своими руками и головой, никто, как говорится, не принесет тебе на тарелочке готовое. Я давно уже дома хозяйствовал один. Хочешь тепла – принеси дров, затопи. Хочешь есть – работай в огороде, вари. Не хочешь быть бедным – учись, опережай других знаниями, прояви себя, чтобы уважали и ценили, чтобы за кусок хлеба не кланялся. Второе правило: обходись с людьми по-божески. Это бабушка в меня вложила: не терпела, не уважала бедности. Говорила: если бедный – значит никчемный, пустой человек, сам виноват. С этим багажом я и отправился в жизнь. Продал дом, сбросил в рюкзак нехитрые пожитки, пару книг и поехал по назначению» [4].

В детских домах накануне и во время войны воспитывались генеральный директор ПО «Востсибуголь» А.К. Барредо (сын испанского антифашиста), родившийся в крупном испанском городе Хихон, и В.К. Яковенко – первый заместитель начальника Братскгэсстроя, уроженец г.Саратова.

Из семей рабочих и рядовых служащих вышли такие руководители, как управляющий «Красноярскэнерго» М.П. Сморгун, директор Красноярского комбайнового завода, впоследствии первый секретарь Красноярского крайкома КПСС А.А. Кокарев, начальник комбината «Востсибуголь» М.Н. Маркелов, начальники управления ВСЖД Б.К. Саламбеков и А.Т. Головатый, директор Иркутского авиационного завода А.И. Федоров.

Тридцать руководителей родились в маленьких городках областного и районного подчинения типа сибирских Тулуна, Канска и Черемхово, краснодарского Темрюка, ростовского Сальска и брянского Новозыбкова. Несмотря на это, качество образования в провинциальных школах, интеллектуальный и волевой потенциал обучающихся способствовали успешному обучению в вузах и продвижению по карьерной лестнице.

Из городов областного и районного подчинения вышли шесть министров, работавших в Восточной Сибири после Великой Отечественной войны. Это министры: строительства в восточных районах СССР А.А. Бабенко, химического и нефтяного машиностроения К.И. Брехов, сельскохозяйственного и тракторного машиностроения А.А. Ежовский, цветной металлургии П.Ф. Ломако, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности Н.В.Тимофеев, путей сообщения Г.М. Фадеев.

Помимо министров, можно назвать еще двух выходцев из Восточной Сибири, достигших самых верхов советской партийно-хозяйственной иерархии и напрямую связанных с союзной и региональной технократической элитой. Это: 1) Долгих Владимир Иванович, уроженец г. Иланский Красноярского края – начальник Норильского горно-металлургического комбината, первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, секретарь ЦК КПСС; 2) Щербина Борис Евдокимович, родившийся в г.Дебальцево Донецкой области – секретарь Иркутского обкома КПСС, первый секретарь Тюменского обкома КПСС, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, заместитель председателя Совета министров СССР.

Уроженцы маленьких городов европейской части России были значительно динамичнее в сравнении со своими земляками в части желания достигнуть успеха на просторах Сибири. Та же самая тенденция просматривается и в отношении жителей провинциальных городов Украины. В абсолютном выражении среди хозяйственных руководителей Красноярского края и Иркутской области их больше, чем выходцев из областных центров Украины. Причинами могли стать: стремление вырваться из замкнутого местечкового пространства, романтика и пафос строительства, созидания, освоения, материальные стимулы, перспективы карьерного роста.

Известно, что широкое индустриальное строительство, масштабная коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война вызвали массовые миграционные потоки, в корне изменившие социально-демографическую картину в стране. В середине 1950-х годов численность городского населения превысила численность сельского населения [5]. Оказались вовлечены в эти процессы и многие из тех, кого мы причисляем к технократической элите Ангаро-Енисейского региона. Среди уроженцев сельской местности было множество людей, получивших известность своими блестящими организаторскими способностями, результатами масштабных свершений, вошедших в анналы отечественной и даже мировой истории.

Выходцами из сел и деревень России являлись пять министров СССР и РСФСР, работавших в Ангаро-Енисейском регионе после Великой Отечественной войны. Среди них министры: лесной и целлюлозно-бумажной промышленности М.И. Бусыгин (д. Крутая Свердловской области), угольной промышленности М.И. Щадов (с. Каменка Иркутской области), путей сообщения Н.Е. Аксененко (с. Новоалександровка Новосибирской области).

О высочайшей тяге ребят из сельской местности к успеху через знания и труд говорит тот факт, что среди 56 наших респондентов насчитывается 8 кандидатов наук и 7 докторов наук технического, экономического и естественно-научного профиля.

Анализ биографий ведущих хозяйственных руководителей Ангаро-Енисейского региона показывает, что уроженцы Москвы, Ленинграда и других крупных городов не являлись силой, определяющей кадровый состав региональной технократической элиты территории. Совсем другое дело – выходцы из городской и сельской глубинки. Именно люди 1910–1949 годов рождения формировали лицо кадрового состава хозяйственных руководителей в рассматриваемый период. В этом возрастном промежутке мы видим явное преобладание сначала выходцев из маленьких провинциальных городов, а затем, на протяжении трех десятков лет, родившихся в сельской местности.

Например, среди будущих хозяйственных руководителей, родившихся в промежутке 1930–1949 годов, число выходцев из сельской местности в два раза превышало количество уроженцев городских поселений.

Возраст. Определенный интерес для анализа представляют сведения о возрасте представителей региональной технократической элиты. Возрастные характеристики технократической элиты позволяют глубже и лучше понять механизмы продвижения руководителей по карьерной лестнице, ротации кадров, возрастные ограничения на занятие руководящих должностей, закономерности и исключения из правил при назначении на руководящие посты или освобождении от них и т.д.

Средний возраст руководителей, занявших должности, позволявшие говорить о принадлежности к региональной технократической элите, в 1960–80-е гг. составлял 42,55 лет. Этот возраст просчитан при изучении 120 биографий. Вероятно, этот факт не имел бы какого-либо эвристического значения (как вариант «средней температуры по больнице»), но при персонализации исследуемой группы мы видим, что 71 человек из 120, а это 58 процентов, действительно были назначены на высокие руководящие должности в возрасте от 40 до 49 лет.

Анализ жизненных траекторий показывает вполне типичную схему движения вверх: институт (22, 23 года), мастер, прораб, начальник участка (23–30 лет), начальник цеха, СМУ, железнодорожной станции, отдела, заместитель директора, управляющего (30–39 лет), первый заместитель, руководитель (40–49 лет). Такая динамика была вполне оправдана для данного периода советского времени. Для кадровых перестановок на нижнем и среднем уровне управленческой иерархии даже неспокойное время Н.С. Хрущева не играло особого значения. Инженерно-технических работников среднего и младшего поколений, заканчивавших вузы во второй половине 1930-х – 50-е годы, мало затрагивали инновации в сфере управления экономикой. А к моменту прихода к руководству страной Л.И. Брежнева и реализации политики «бережного отношения к кадрам» эта генерация стала занимать ключевые позиции на высшем уровне управления промышленными предприятиями, строительными, транспортными, геологическими и прочими хозяйственными организациями.

Впрочем, нередкими были случаи назначений на ключевые руководящие должности людей, не достигших сорокалетнего возраста. Например, В.А. Демьяненко был назначен директором Ачинского нефтеперерабатывающего завода, когда ему было всего 34 года. Будущий губернатор Иркутской области Ю.А. Ножикин стал управляющим трестом «Востокэнергомонтаж» в возрасте 35 лет. Директор важнейшего оборонного предприятия страны – Красноярского машиностроительного завода – В.П. Котельников занял эту должность в 37 лет.

Анализ биографических сведений о технократической элите Ангаро-Енисейского региона позволяет говорить о системной кадровой политике красноярских краевых руководителей, не боявшихся выдвигать на первые роли в строительстве и других базовых отраслях народного хозяйства молодых. Вероятно, помимо других причин «красноярского взлета» второй половины шестидесятых – семидесятых годов немаловажной являлась и ставка на тридцатилетних. Стоит отметить, что среди руководителей этого поколения – два будущих союзных строительных министра: А.А. Бабенко и В.М. Видьманов, а также секретарь ЦК КПСС В.И. Долгих.

Если средний возраст занятия руководящей должности насчитывал 42,5 года, то возраст освобождения от занимаемой руководящей должности насчитывал примерно 56,6 лет. Однако эту цифру можно считать лишь условным репером, используемым для определения средней продолжительности работы на одном-двум однотипных руководящих постах. В подавляющем большинстве случаев причины оставления должности сводились к трем случаям: перевод (чаще на вышестоящую работу), уход на пенсию, смерть. Анализ возрастных характеристик 105 респондентов показывает, что средний возраст составлял: переходящих на вышестоящую должность или другую работу – 50,3 года; уходящих на пенсию – 63 года и умерших на рабочем месте – 60 лет.

Большая часть переводов представителей региональной технократической элиты связана с их назначением на руководящие должности в столичных главках и министерствах. Другой распространенный вариант передвижения по карьерной лестнице – назначение на аналогичную должность, но в более привлекательном с точки зрения климата и близости к столице месте (Подмосковье, Поволжье, Краснодарский край, Украина и т.д.). Обычно на такую смену работы решались руководители предпенсионного возраста. И наконец, еще одним, достаточно перспективным вариантом для карьеры являлось избрание или назначение на руководящую партийную должность.

В отдельных случаях перевод рассматривался как явная или скрытая форма отставки по причине достижения пенсионного возраста, ненадлежащего выполнения служебных обязанностей или просто из-за со-

стояния здоровья. «Тихой заводью» для таких руководителей были отраслевые научные и проектные институты, высшие учебные заведения, инженерные должности в тех же самых управленческих структурах, которыми они руководили ранее.

Образовательный ценз технократии. Региональная технократическая элита 1960–80-х годов представляла собой хорошо образованную, как минимум с формальной точки зрения, группу. Из более чем 150 респондентов – руководителей, главных инженеров строительных и транспортных организаций, промышленных предприятий, связи и экономических учреждений лишь единицы имели среднее профессиональное образование. Подавляющее большинство закончило высшие учебные заведения технического или экономического профиля. В восьмидесятые годы появляется довольно солидная прослойка руководителей, получивших второе высшее образование, чаще всего – экономическое или политическое. В этом же временном промежутке значительно увеличивается число руководителей, успешно защитивших диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

География вузов, которые заканчивала региональная технократия, чрезвычайно широка и отражает несколько этапов экономических, социальных и демографических процессов, проходивших в Советском Союзе в рассматриваемое время. Широкомасштабное индустриальное строительство, развернувшееся в 30-е годы, потребовало значительного расширения сети высшего технического образования. В 1933 году при ЦИК СССР был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию, решавший организационные и методические вопросы технических вузов. К началу 1941 года в стране работало 164 технических вуза, в которых обучалось 204,6 тысячи студентов [6]. Многие из них заняли лидирующие позиции в экономике восточных районов страны в годы войны, но особенно – в послевоенное время.

Можно выделить несколько групп руководителей, чьи передвижения по карьерной лестнице связаны с основными инвестиционно-индустриальными трендами послевоенного времени.

1. Руководители и работники эвакуированных предприятий.
2. Технократическая элита центральных районов страны, направленная в послевоенные годы для руководства строительством и индустрией востока страны.
3. Бывшие военнослужащие старшего и среднего состава, направленные для усиления руководства предприятиями и организациями.
4. Молодые фронтовики из рядового состава и младших офицеров – студенты послевоенного времени.
5. Выпускники школ послевоенного десятилетия, поступившие и окончившие технические вузы в период развертывания широкомасштабного строительства в восточных районах страны.
6. Студенты 1960–70-х годов, последние из поколения советских хозяйственных руководителей.

Следует отметить, что, несмотря на определенный хронологический порядок данного списка, возрастная последовательность в этих группах далеко не так очевидна. Так, например, представители второй и третьей группы могли быть старше людей из первой группы. Поэтому мы решили посмотреть – менялась ли география высших учебных заведений, которые заканчивала региональная технократическая элита 60–80-х годов XX века.

Подавляющее большинство крупных хозяйственных руководителей Восточной Сибири 1900–1909 годов рождения заканчивали московские технические вузы. Однако в возрастной группе 1910–1919 годов рождения из 18 человек с известными данными об их профессиональном образовании: 11 закончили вузы европейской части СССР и лишь семеро – технические и экономические институты Урала и Сибири.

Расширение географии высших технических учебных заведений в 1930–50-е годы, резко возросший объем индустриального строительства в 1950-е годы обусловили как увеличение числа выпускников вузов в восточных районах страны, так и рост потребности в инженерно-технических кадрах. Поэтому в возрастной группе 1920–1929 годов рождения соотношение в сравнении с первой группой несколько изменилось: 11 человек являлись выпускниками вузов западной части страны (Москва, Одесса, Днепропетровск, Ростов-на Дону) и 10 – заканчивали уральские и сибирские высшие учебные заведения.

Перелом происходит в 1960-е годы, когда к руководству промышленными предприятиями, транспортными и строительными организациями приходят люди, родившиеся в 1930–1939 гг., закончившие высшие учебные заведения в 50-е годы. Количество руководителей – выпускников уральских и сибирских вузов – впервые превосходит аналогичный показатель числа выпускников вузов европейской части СССР.

Несмотря на большой размах строительства в Красноярском крае и Иркутской области в 1970–80-е годы, государственную поддержку трудовой миграции из центральных районов страны в Сибирь, в новой генерации руководящего состава сектора региональной экономики явно доминировали выпускники уральских и сибирских вузов. Роль кадровой столицы для промышленности Ангаро-Енисейского региона переходит от Свердловска, Томска, Иркутска к Красноярску, что также вполне закономерно. Красноярский край в это время по масштабам и темпам индустриального строительства значительно превосходил Иркутскую область [7].

Перечень вузов, которые заканчивала технократическая элита региона 1960–80-х годов, довольно точно отражал структуру производительных сил в восточных районах страны. Например, среди московских вузов выделялся Московский энергетический институт. Среди его выпускников, оказавшихся в Сибири, можно выделить В.М. Боровского и В.И. Брызгалова – руководителей двух крупнейших энергетических управлений страны: «Иркутскэнерго» и «Красноярскэнерго». Достаточно отметить, что в структуру этих организаций

входили четыре на тот момент самые мощные гидроэлектростанции мира: Саяно-Шушенская, Красноярская, Братская и Усть-Илимская.

Из стен МЭИ вышли хозяйственные руководители, а затем крупные чиновники: В.Г. Плисов – председатель Красноярского краевого исполнительного комитета конца 1970-х – начала 80-х годов и В.К. Яковенко – первый заместитель Иркутского областного исполнительного комитета в конце 1980-х – начале 90-х годов. Выпускниками знаменитого вуза являлись директор Иркутской ГЭС И.Т. Мяло и руководитель каскада Таймырских ГЭС В.И. Шелихов.

На втором месте по числу выпускников вполне закономерно был Московский горный институт. Этот вуз в разное время закончили такие легендарные руководители, как первый начальник Норильского горно-металлургического комбината А.П. Завенягин и начальник специального управления «Братскгэсстрой» И.И. Наймушин. Выпускниками Московского горного института являлись генеральный директор одной из крупнейших угольных организаций страны – ПО «Востсибуголь» – А.К. Барредо и главный инженер этой структуры В.П. Рязановский.

Помимо вышеупомянутых вузов, состав региональной технократической элиты пополнялся выпускниками более чем 15 высших учебных заведений столицы инженерно-технического и экономического профиля: МВТУ, МАИ, МИИТ, МИСИ, МИНХ, МИИЖТ и др. Московские вузы закончили многие видные представители технократической элиты не только региона, но и страны: А.Е. Бочкин – руководитель строительства Иркутской, Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, Б.И. Колесников – генеральный директор Норильского горно-металлургического комбината, М.Ф. Решетнев – генеральный директор НПО прикладной механики, А.Т. Головатый – начальник Восточно-Сибирской железной дороги, заместитель министра путей сообщения.

Среди наиболее часто встречающихся профилей вузов страны, чьи выпускники стали лидерами региональной экономики, можно упомянуть инженерно-строительные, транспортные, политехнические, технологические, энергетические, горные, индустриальные, машиностроительные, химические, нефтехимические.

Примерно 13 процентов от числа исследованных респондентов помимо первого получили и второе высшее образование. Для сложившегося руководителя оно способствовало повышению квалификации и углублению знаний в тех областях, в которых он был недостаточно силен. Так как большинство представителей региональной технократической элиты имели техническое образование, закономерным выглядит факт получения второго – экономического или специального управленческого образования. Безусловным лидером здесь являлась кузница высокопоставленных управленческих кадров в советское время – Академия народного хозяйства. Ее закончили 7 хозяйственных руководителей, среди которых В.Г. Авлов – генеральный директор ПО «Лензолото», В.А. Гуськов – генеральный директор ПО «Красноярскуголь», В.Ф. Дубинин – генеральный директор ПО «Иркутскгеология», П.В. Романов – генеральный директор химического комбината «Енисей».

Для успешной карьеры руководителю весьма полезным могло стать высшее политическое образование, полученное в Академии общественных наук или высшей партийной школе. Из наиболее заметных фигур, прошедших подобное обучение, можно выделить генерального директора ПО «Востсибуголь», министра угольной промышленности СССР М.И. Щадова, закончившего Высшую партийную школу при ЦК КПСС, В.Г. Терещука, начальника Главкрасноярскстроя (Академия общественных наук при ЦК КПСС).

Заключение. Приведенные сведения позволяют говорить об очень высоком уровне социальной мобильности в советском обществе 1920–60-х годов XX века, обусловленном не только идеологическими установками правящего режима, но и ментальными характеристиками молодежи европейской части России, Урала, Сибири, Восточной Украины. Подрастающее поколение советской провинции было поддержано в своих амбициях властью и полноправно стало основой руководящих хозяйственных кадров индустриальных центров Восточной Сибири в последние 25 лет существования Советского Союза.

Литература

1. Scott H. History and Purpose of Technocracy. – URL: http://docs.google.com/Doc?docid=dfx7rfr2_10fqbv5t&hl=en (дата обращения: май 2009).
2. Николаев А.Н. Исторические аспекты становления российской технократической элиты, 1917–1996 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1996. – С. 46.
3. Ланкина Л. Разговор с директором // Вост-Сиб. правда. – 1985. – 29 дек.
4. Ножигов Ю.А. Я это видел, или жизнь российского губернатора, рассказанная им самим. – Иркутск: «Издание ГП «Иркутская обл. типография № 1», 1998. – С. 34.
5. Население СССР: справ. / А.Г. Волков, Р.М. Дмитриева, Ж.А. Зайончковская [и др.]; под общ. ред. Л.М. Володарского. – М.: Политиздат, 1983. – С. 19.
6. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 125.
7. Красноярский взлет. 1971–1990. – Красноярск: ООО «Изд. дом «Горница», 2004. – С. 103–105, 235.

